

Особенности стратегического проникновения ФРГ на Дальний Восток в начале 2020-х гг.

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018314-6

Трунов Филипп Олегович

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН (адрес: 117418, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21). ORCID: 0000-0001-7092-4864. E-mail: ltrunov@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021.

Аннотация:

В контексте восприятия феномена «холодной войны» как формы образования нового мирового порядка рассматривается подход ФРГ к участию в конфронтации США и КНР. В связи с этим исследуется вопрос учреждения военного присутствия Германии на Дальнем Востоке как часть попыток её утверждения в положении мировой державы. Отмечается неготовность официального Берлина участвовать в «сдерживании» КНР в 2014–2019 гг., определяются причины этого, включая «холодную войну» Евро-Атлантического сообщества и РФ. Выявляется группа факторов, предопределивших переход Германии к ускоренному варианту военного проникновения на Дальний Восток в 2020–2021 гг.: экстренная эвакуация бундесвера из Афганистана, фактор пандемии COVID-19, приход к власти администрации Дж. Байдена. С февраля — марта 2021 г. ФРГ подключилась к оказанию давления на Китай, однако строго лимитируя объёмы и качество этого. Исследуется динамика и форма перехода Германии на рубеже 2010-х — 2020-х гг. к продвинутому сотрудничеству в области безопасности и обороны с Сингапуром и Японией. «Стратегическом шоком» для ФРГ стало создание объединения AUKUS 15 сентября 2021 г., что показало иллюзорность надежд официального Берлина на полный отказ от трампистских установок во внешней политике США при Дж. Байдене. Повышенное внимание уделено в статье особенностям и «узким местам» германо-австралийских отношений в военно-политической области в середине 2010-х — начале 2020-х гг. В увязке с этим изучается дипломатическая миссия первого корабля бундесвера в акватории Тихого океана во второй половине 2021 г. Делается вывод о перспективах трансформации военного присутствия ФРГ на Дальнем Востоке и её участия в «холодной войне» в регионе.

Ключевые слова:

Германия, КНР, США, Сингапур, Япония, Австралия, AUKUS, «холодная война», дипломатия, бундесвер.

Для цитирования:

Трунов Ф.О. Особенности стратегического проникновения ФРГ на Дальний Восток в начале 2020-х гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 68–80.
DOI: 10.31857/S013128120018314-6.

Старт и развитие масштабной конфронтации с участием мировых держав в практике международных отношений является признаком формирования нового миропорядка. Возникновение линий разграничения становится частью процесса реструктурирования мирополитической архитектуры на длительную перспективу. Ряд факторов, особенно связанных с наличием ОМУ и средств его доставки, привёл к тому, что противостояние между ведущими глобальными игроками проходит уже в состоянии не «горячей», а «холодной» войны. Вторая половина 2010-х — начало 2020-х гг. характеризуется возникновением и развитием сразу двух конфронтаций данного типа; первой их стороной выступают страны и институты Запада, второй — РФ в одном случае и КНР — в другом. Желание самоустраниться от «холодной войны» с очень высокой долей вероятности приведёт к ослаблению позиций де-факто и де-юре того государства, которое относилось себя к категории держав. Для таковой сам факт вовлечённости в процесс конфронтации вы-

студает катализатором международной дееспособности, а характер и масштаб участия в «холодной войне» — индикаторами степени готовности отстаивать свои национальные интересы. Прежде всего, данное правило относится к державам, соответствующим хотя бы одному из двух критериев: это нахождение в составе «коллективного» Запада или принадлежность к числу «восходящих» («поднимающихся»). Редким примером, сочетающим оба положения, является ФРГ.

Со стороны Запада чертой выстраивания конфронтации выступало создание нового или наращивание потенциала имеющегося многостороннего военного объединения. Традиционно инициатива учреждения такой структуры принадлежала США и Великобритании. В деле «сдерживания» СССР, а теперь и РФ данным объединением выступала НАТО; в случае КНР был создан механизм AUKUS (сентябрь 2021 г.). В НАТО при поддержке англо-саксонских держав ФРГ быстро (формально с 1955 г.) стала и оставалась органичной и весомой во всех отношениях (военном, политическом, идеологическом) частью блока. Североатлантический альянс изначально и тем более по мере расширения включал не только США, Великобританию (и Канаду), но и большее число европейских континентальных стран-участниц. Объединение AUKUS, имея на момент учреждения вчетверо меньше государств-членов, состояло лишь из англо-саксонских держав и было механизмом дистанцирования от их европейских партнёров, включая Германию.

Задача статьи — исследовать детерминированность и динамику процесса укрепления политических и военных позиций Германии на Дальнем Востоке в контексте «холодной войны» между США с КНР.

Отношения ФРГ с государствами, расположенными в восточной части Индо-Тихоокеанского региона, применительно к общеполитической сфере в целом и особенно вопросам безопасности и обороны находят пока ограниченное освещение в работах отечественных и иностранных, в т.ч. немецких, исследователей. Наибольшее внимание уделено развитию отношений официального Берлина с КНР¹, однако пока в публикациях российских учёных не изучено наметившееся в самом начале 2010-х гг. отчуждение сторон². При этом наблюдается резкий рост интереса исследователей к развитию конфронтации между США и КНР, особенно с точек зрения создания антикитайской коалиции странами Запада³, а также учреждения блока AUKUS⁴.

К вопросу предопределённости появления военного присутствия ФРГ на Тихом океане в 2021 г.

Исторически позиции Германии на Дальнем Востоке были слабыми. Этим объяснялся тот факт, что бассейн Тихого океана находился на периферии политико-дипломатической и военной активности ФРГ, которая в целом резко возросла в условиях успеш-

-
1. Галимзянова А.К. Китайско-германские отношения: стремление к эталону // *Проблемы Дальнего Востока*, 2019. № 6. С. 4–10; Цвык А.В. Стратегическое партнерство КНР и ФРГ в 2004–2015 гг.: политические аспекты // *Проблемы Дальнего Востока*, 2016. № 2. С. 42–49; Godement F., Wacke G. In Richtung einer gemeinsamen europäischen China-Politik — Frankreich und Deutschland vereint. Berlin: SWP, 2020. S. 2–9.
 2. См.: Цвык А.В. Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: актуальные проблемы и новые возможности // *Актуальные проблемы Европы*, 2019. № 4. С. 212–225.
 3. Rudolf P. Der amerikanisch-chinesische Weltkonflikt. Berlin: SWP, 2021. S. 12–30; Strategische Rivalität zwischen USA und China / B. Lippert, V. Perthes (Hrsg.). Berlin: SWP, 2020.
 4. Васильев В.С. AUKUS ещё себя покажет // *Военно-промышленный курьер*, 2021. № 37. С. 1, 3; Major C., von Oндарза N. Afghanistan, AUKUS, and Albion. 30.09.2021. URL: <https://ip-quarterly.com/en/afghanistan-aukus-and-albion> (дата обращения: 06.12.2021).

ного разрешения «германского вопроса» (1990) и окончания предшествующей конфронтации Запад — Восток.

Ситуация резко изменилась на рубеже 2010-х — 2020-х гг.: заметная активизация контактов с рядом региональных игроков (Японией, Сингапуром, Австралией) по линии министерств обороны сопровождалась постановкой вопроса о развёртывании прецедентного военно-морского присутствия ФРГ на Дальнем Востоке. Чем обусловлены представленная настойчивость шагов ФРГ, притом в эпоху пандемии COVID-19, которая препятствует любой активности на мировой арене? Иными словами, насколько случаен выбор рубежа 2020–2021 гг. как качественно нового этапа в планировании и реализации политико-военной деятельности Германии на Дальнем Востоке?

Стратегически эта резкая активизация ФРГ была предопределена. Лейтмотивом, хотя и не афишируемым, её внешней политики являлось восстановление в положении державы: по достижении статуса региональной (1999) Германия стала последовательно двигаться к положению полновесного глобального игрока. Осуществляемый рост объёмов, интенсивности и географическое расширение районов использования бундесвера ФРГ могут быть описаны концепцией «региональных кругов». Сначала обеспечение весомых политических и военных позиций ФРГ происходило в близлежащих регионах (Балканы, Восточная Европа) с постепенным расширением на всё более отдалённые: Африканский рог, Средиземноморье, Центральную Азию (с начала 2000-х гг.), Ближний Восток (со второй половины 2000-х гг.), Западную Африку (с середины 2010-х гг.). Очевидно, что Дальний Восток не мог стать исключением из данного ряда. Ещё задолго до 2020-х гг. ФРГ предпринимала соответствующие шаги: германские специалисты направлялись в зону вооружённого конфликта в Камбодже в 1991–1992 гг. (медицинская миссия бундесвера в 150 человек) и в район землетрясения в провинции Ачех в Индонезии в 2005–2006 гг. (компонент в составе мониторингово-спасательных сил ЕС)⁵. Оба эти события (начало 1990-х гг. и середина 2000-х гг.) хронологически приходились на фазы «головокружения» от успехов руководства ФРГ в вопросе реализации державных амбиций, обуславливая стремление скорее закрепиться в наиболее отдалённых и притом важных регионах.

Почему в таком случае официальный Берлин ещё на старте «холодной войны» США с КНР (середина 2010-х гг.) не согласился оказаться вовлечённым в этот процесс, а стал делать соответствующие шаги пятилетие спустя?

В 2014–2016 гг. ФРГ стала участвовать в выстраивании другой линии конфронтации — с Россией. Первоочередность подключения к «холодной войне» с РФ, а не КНР, отражала различия в остроте восприятия официальным Берлином пересечения интересов с каждой из этих западных держав — прежде всего, на постсоветском пространстве, а также на Ближнем Востоке и в Западной Африке. Здесь также следует отметить различия в составе государств, готовых к участию в каждой из конфронтаций уже на начальной стадии процесса. В случае «холодной войны» с РФ это не только США, но и в целом массив государств-членов НАТО, т.е. само Евро-Атлантическое сообщество; с КНР — Соединённые Штаты, группа англо-саксонских стран, а также ближайшие региональные партнёры Белого дома на Дальнем Востоке, т.е. во многом акторы «коллективного» Запада, не входящие в состав Евро-Атлантического сообщества как такого⁶. Данная разница была принципиальной для Германии, которая в своей внешней политике

5. The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defence, 2009. P. 52, 55.

6. Под понятием «Евро-Атлантическое сообщество» автор понимает совокупность стран-участниц ЕС и НАТО, а под «коллективным Западом» — более широкую группу государств, включая партнёров США вне Североатлантического альянса.

прежде всего ориентировалась на углубление контактов со странами-участницами ЕС и лишь затем — на развитие трансатлантических отношений.

В политико-дипломатическом и особенно военном отношении ФРГ была не готова оказаться вовлечённой сразу в две «холодные войны». Официальному Берлину требовалось время, чтобы понять масштабы военного измерения «холодной войны» с РФ со стороны Евро-Атлантического сообщества. К середине 2010-х гг. в результате 25-летних редукций (в рамках реорганизаций) германские войска достигли критически низкого уровня численности личного состава, единиц вооружений и военной техники (ВиВТ). В этой ситуации необходимость направления дополнительных ударных частей в состав ротационных группировок НАТО в пределах зоны ответственности Альянса означала резкое сокращение объёмов присутствия бундесвера за её пределами. При таком раскладе дальневосточное направление априори не могло стать приоритетным: фокус был сделан на предельном сохранении германских войск в Западной Африке (Мали), Центральной Азии (Афганистан), а также расширении их использования на Ближнем Востоке (в Сирии и Ираке). С одной стороны, это объяснялось стремлением сохранить уже наработанные военно-стратегические позиции. С другой, необходимостью отражения мощных угроз нестабильности (распространение террористических группировок, массовая неконтролируемая миграция, рост контрабанды), проецируемых с сирийско-иракского, малийского и ливийского направлений на ЕС в целом и ФРГ в частности. Это ставило официальный Берлин в стратегически уязвимое положение, заставляя искать помощи у незападных держав: иллюстрацией такого подхода стал сохранявшийся интерес к сотрудничеству с КНР в миротворческой деятельности в ходе визита министра обороны ФРГ в страну в октябре 2018 г.⁷

Вместе с тем, в 2017–2019 гг. масштаб проецируемых угроз нестабильности существенно снизился, что в определяющей степени было обусловлено успехами коалиции РФ — правительства САР — ИРИ в Сирии, а также усилиями самого германо-французского тандема в странах «сахельской пятёрки». Примечательно, что в обоих случаях Китай занимал дружественную позицию в отношении указанных ведущих участников урегулирования конфликтов. Изменилась для ФРГ ситуация и в случае «холодной войны» с Россией: процесс создания новых группировок по линии НАТО к 2019 г. резко замедлился, а бундесвер реализовывал тактику гибкого участия в их ротационном комплектовании. Привели ли данные перемены к возникновению у официального Берлина готовности учредить военное присутствие на Дальнем Востоке в контексте «холодной войны» в регионе?

На первый взгляд, если обратиться к характеру германо-китайских отношений в 2017–2019 гг., возможно дать отрицательный ответ. Без каких-либо проволочек функционировали все ключевые переговорные площадки, главной из которых выступал формат межправительственных консультаций — в июле 2018 г. состоялась очередная (5-я по счёту) встреча. В октябре 2018 г. Китай официально посетила министр обороны ФРГ, а в начале сентября 2019 г. визит в страну совершила канцлер А. Меркель⁸. Очевидным было стремление ФРГ подчеркнуть де-юре дружественный характер отношений с КНР, в т.ч. в сфере безопасности и обороны. Однако едва ли данные шаги могли заретушировать существовавшие де-факто многочисленные «узкие места» диалога в политико-военной об-

7. Ministerin will mit China bei VN-Missionen enger kooperieren // *BMVg*. 22.10.2018. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ministerin-will-mit-china-bei-vn-missionen-enger-kooperieren-28568> (дата обращения: 06.12.2021).

8. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem chinesischen Ministerpräsidenten Li in Peking // *BMVg*. 06.09.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-chinesischen-ministerpraesidenten-li-1668454> (дата обращения: 06.12.2021).

ласти. Так, в сфере миротворчества взаимодействие ограничивалось в основном деятельностью сил MINUSMA в Мали. В вопросах нераспространения ОМУ заметной координация была лишь по выполнению иранской «ядерной сделки» (2015); в случае с КНДР попытки использовать контакты с КНР для доведения позиции официального Берлина не давали заметного результата. Наконец, на фоне объёмной и разветвлённой торгово-хозяйственной кооперации экспорт военной продукции Германии в Китай в 2017–2019 гг. сократился с более чем 40 млн евро до менее 1 млн евро⁹. Это, вероятно, свидетельствовало о фактическом росте взаимной обеспокоенности. Косвенным подтверждением тому стал и визит министра обороны ФРГ в Австралию сразу после посещения У. фон дер Ляйен КНР в октябре 2018 г.¹⁰, демонстрируя приоритетность партнёров в регионе.

Чем объяснялось поведение официального Берлина в отношении Китая? Стратегически его готовность к ухудшению отношений с КНР оставалась ниже, чем с РФ, учитывая разницу в объёмах торгово-хозяйственной кооперации, географической удалённости и остроте восприятия Германией политической и военной активности каждой из этих держав. Главной же причиной линии ФРГ следует признать состояние её отношений с США: в президентство Д. Трампа (2017–2020 гг.) диалог сторон стремительно деградировал, т.е. полноценное сотрудничество на большинстве треков трансформировалось во взаимодействие. Перейдя к жёсткой гегемонии, администрация 45-го президента США избрала ФРГ основным объектом критики и давления внутри Евро-Атлантического сообщества, а вовне его аналогичное положение Белым домом отводилось КНР. Руководству ФРГ претило стремление США при Д. Трампе, во-первых, разрушить систему договорённостей в сфере международной безопасности, представлявших предмет консенсуса ведущих стран Запада, во-вторых — попытки навязывать Германии темпы наращивания военной мощи, особенно ассигнований на вооружённые силы. Реакцией на это стала выработка стратегии антитрампазма, одной из многих составляющих которой являлась демонстрация нормальных отношений с КНР.

В условиях наступившего «ледникового периода» диалога ФРГ с США рассчитывать на их поддержку в вопросе появления бундесвера на Дальнем Востоке не приходилось. Подобный зондаж позиции Белого дома мог дать либо резко отрицательный результат, будучи обусловлен нежеланием Д. Трампа принять появление военных сил «младшего партнёра» в региональной зоне особых интересов Соединённых Штатов. Либо ответ был бы условно негативный: запрос Германии был бы воспринят 45-м президентом США как её «капитуляция» с указанием конкретных жёстких мер антикитайской направленности. Любой из этих сценариев был неприемлем, предельно чётко демонстрируя зависимость Германии от поддержки Соединённых Штатов — то, к чему стремилась администрация Д. Трампа, не без успеха действуя на афганском направлении.

Представляется, что «стратегическая сделка» между США и движением «Талибан» от 29 февраля 2020 г., предполагая вывод войск первых, а следовательно, и всех их партнёров, включая ФРГ, из Афганистана к 1 мая 2021 г., стала *первым триггером* перехода официального Берлина к *ускоренному варианту* учреждения своего военного присутствия в восточной части Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). С начала XXI в. афганское направление было лидирующим при использовании бундесвера вне зоны ответственности НАТО по объёму прилагаемых усилий и политической активности. Долгосрочное военное присутствие в Центральной Азии являлось наиболее значимой в имиджевом

9. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. S. 105.

10. Ministerin betont enge Kooperation mit australischen Streitkräften // *BMVG*. 24.10.2018. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ministerin-betont-enge-kooperation-mit-australischen-streitkraeften-28650> (дата обращения: 06.12.2021).

плане составляющей реализации ФРГ амбиций будущей мировой державы. Соответственно, вероятную болезненную утрату стратегических позиций в северо-западных районах ИТР Германия стремилась компенсировать появлением своих военных сил в его восточной части. В обоих случаях де-факто использование бундесвера было в той или иной степени направлено на «сдерживание» КНР с геополитической точки зрения, однако де-юре власти ФРГ стремились предельно смягчить такое восприятие.

Вторым триггером стало начало эпидемии COVID-19. Сам факт пандемии и особенно её первая волна стали «стратегическим шоком» практически для всех игроков на мировой арене, оказывая парализующее воздействие на их внешнюю активность. Однако ФРГ удалось быстрее, чем США, преодолеть эффект скованности во внешней политике: это объяснялось не только лидерством последних по числу заболевших и умерших от COVID-19, но предвыборной кампанией в Соединённых Штатах, которая хронологически совпала с первыми месяцами пандемии.

2 сентября 2020 г. ФРГ опубликовала концептуальный документ «Руководящие принципы политики в Индо-Тихоокеанском регионе». В нём фиксировался список партнёров, углубление сотрудничества с которыми должно было обеспечить стратегическое проникновение Германии в восточную часть ИТР: Австралия, Новая Зеландия, Япония, а также Южная Корея¹¹. С одной стороны, список фокусных региональных партнёров включал в себя наиболее активных (помимо США) участников выстраиваемой конфронтации с КНР — Австралию и Японию. С другой, не упоминался Сингапур, имевший весьма доверительные отношения с ФРГ. Официальный Берлин, вероятно, не хотел преждевременно раздражать КНР, учитывая особый характер Сингапура как государства с иной политической системой, но преимущественно китайским населением.

Третий триггер — объявление победителем на президентских выборах в США (3 ноября 2020 г.) Дж. Байдена, а не Д. Трампа, что справедливо воспринималось руководством Германии как появление перспективы стремительного восстановления доверия в отношениях с Белым домом.

Дипломатическая подготовка и развёртывание военного присутствия Германии

На этом фоне Министерство обороны ФРГ приступило к обеспечению политической поддержки своих планов со стороны региональных партнёров. Первым в их списке, уже де-факто, а не де-юре, стал Сингапур — переговоры прошли уже 16 ноября 2020 г., что отразило весьма высокий уровень взаимопонимания в области безопасности и обороны¹². Уже 9 декабря 2020 г. министр обороны ФРГ, используя успех на встрече с сингапурским коллегой, подчеркнула наличие совместных интересов у АСЕАН, ЕС в целом и Германии в частности¹³. Это следовало трактовать уже как конкретные планы по появлению кораблей бундесвера в акваториях, прилежащих к территории стран-участниц АСЕАН — прежде всего, в Малаккском проливе.

15 декабря 2020 г. состоялась консультация глав военных ведомств Германии и Японии, в ходе которой была определена поддержка официальным Токио планов парт-

11. Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020. S. 16.

12. Bundeswehr soll im Indo-Pazifik mehr Präsenz zeigen // *BMVg*. 16.11.2020.

URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/bundeswehr-indo-pazifik-praesenz-zeigen-4296300> (дата обращения: 06.12.2021).

13. Indo-Pazifik: EU und ASEAN haben gemeinsame Interessen // *BMVg*. 09.12.2020.

URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/eu-und-asean-gemeinsame-interessen-4912250> (дата обращения: 06.12.2021).

нёра¹⁴. Иллюстрацией высокого уровня взаимного доверия стало проведение 13 апреля 2021 г. двусторонних переговоров в формате «2+2», т.е. с участием министров обороны и иностранных дел¹⁵. По сути, данная площадка представляла «ядро» механизма межправительственных консультаций и компенсировала отсутствие последнего в диалоге с Японией.

В сопоставлении с Сингапуром и Японией заметно медленнее развивался в сфере безопасности и обороны диалог ФРГ с Южной Кореей, что объяснялось наличием существенно меньшего политического «багажа» на данном треке. И всё же намерения в отношении РК, зафиксированные в «Руководящих принципах политики в Индо-Тихоокеанском регионе», начали реализовываться — официальный Сеул поддержал прибытие ВМС Германии в зону Тихого океана.

Важнейшим направлением политико-военного курса официального Берлина в регионе стало выстраивание полноценного сотрудничества с США практически сразу после вступления Дж. Байдена в должность президента. Белый дом, вернувшись к мягкому лидерству и пересмотрев ценность восприятия ФРГ как партнёра, стал оказывать поддержку её планам на Дальнем Востоке. В свою очередь, именно после прихода к власти администрации Дж. Байдена Германия начала обозначать готовность встроиться в процесс конфронтации с КНР. Впервые это положение было обозначено в ходе очередного заседания германо-французского совета по вопросам обороны и безопасности 5 февраля 2021 г.¹⁶, а затем повторено на полях Мюнхенской конференции 19 февраля 2021 г. (в виртуальном формате) с участием президента Дж. Байдена¹⁷. В начале марта 2021 г. издание «Die Welt» опубликовало «утечку» данных Министерства обороны ФРГ, в которой подчёркивалась резко возросшая обеспокоенность военной мощью КНР. 20 марта 2021 г. Европейский союз заморозил инвестиционное соглашение с официальным Пекином, введя точечные санкции против его чиновников под предлогом защиты демократических прав в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. А на Брюссельском саммите НАТО 14 июня 2021 г. германская сторона поддержала идею использованию Альянса для «сдерживания» не только РФ, но и КНР¹⁸.

Однако выражаемая ФРГ поддержка США в вопросе выстраивания парадигмы «холодной войны» с КНР имела важные особенности, а по сути, существенные оговорки. Во-первых, заметен хронологический разрыв в апреле — мае 2021 г. в вопросе декларирования Германией трансатлантической солидарности в отношении Китая. Представля-

14. Deutschland will sicherheitspolitische Kooperation mit Japan stärken // *BMVg*. 15.12.2020.

URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/sicherheitspolitische-kooperation-mit-japan-staerken-4917856> (дата обращения: 06.12.2021).

15. Konsultationen der Außen- und Verteidigungsminister Deutschlands und Japans // *BMVg*. 13.04.2021.

URL: <https://www.bmvg.de/de/presse/konsultationen-deutschland-japan-5054610> (дата обращения: 06.12.2021).

16. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron anlässlich des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrates // *Bundeskanzleramt*. 05.02.2021.

URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-anlaesslich-des-deutsch-franzoesischen-verteidigungs-und-sicherheitsrates-am-5-februar-2021-1851512> (дата обращения: 06.12.2021).

17. Gemeinsame Strategien gegenüber Russland und China entwickeln // *Bundeskanzleramt*. 20.02.2021.

URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-strategien-gegenueber-russland-und-china-entwickeln-1860302> (дата обращения: 06.12.2021).

18. Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel zum NATO-Gipfel in Brüssel // *Bundeskanzleramt*.

14.06.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzlerin-merkel-zum-nato-gipfel-in-bruessel-am-14-juni-2021-1928838> (дата обращения: 06.12.2021).

ется, что основная причина этого — шоковый характер восприятия официальным Берлином окончательного решения Белого дома от 13 апреля 2021 г. о выводе войск из Афганистана. Датой завершения этого процесса было указано 11 сентября 2021 г. с последующим переносом на 4 июля 2021 г. Тем самым перспективы ФРГ сохранить военное присутствие в Афганистане, связанные со сменой администрации (тем более, что она изначально взяла паузу для оценки выполнимости «сделки» с «Талибаном»), исчезли. Здесь следует подчеркнуть, что в контексте тональности заявлений ФРГ в отношении КНР фактор наличия сил бундесвера в составе миссии НАТО в Афганистане уже в феврале — марте 2021 г. стал приобретать идеологически чёткую антикитайскую направленность. Она сохранилась бы в случае гипотетического отказа США выполнить договорённости с «Талибаном». Однако окончательное решение Белого дома следовать им не отразилось на принципиальной готовности ФРГ участвовать в сдерживании КНР. Это объяснялось важностью данного процесса для самоутверждения Германии в качестве мировой державы, в том числе уже отмеченного желания компенсировать утрату военно-сухопутного присутствия в северо-западной части ИТР развёртыванием морского в восточной. Это показала встреча глав военных ведомств США и ФРГ 1 июля 2021 г.¹⁹ — в момент фактического завершения вывода войск из Афганистана.

Во-вторых, официальный Берлин чётко обозначал перед США своё существенно менее жёсткое восприятие КНР и, соответственно, повышенную готовность к сохранению контактов с ней. Так, не была «заморожена» работа механизма германо-китайских межгосударственных консультаций: очередные, 6-е по счёту, состоялись 28 апреля 2021 г. в виртуальном режиме²⁰. Тем самым Германия демонстрировала свою стратегическую автономию от Белого дома, давая асимметричный ответ на давление при Д. Трампе и итоговое решение Дж. Байдена по Афганистану.

Наконец, *в-третьих*, ещё одним проявлением внешнеполитической гибкости ФРГ стало подчёркивание готовности участвовать в конфронтации США и КНР только *совместно* с другими континентальными европейскими государствами. Так, представленные заявления в феврале — июне 2021 г. делались на полях следующих форматов: двустороннего с Францией, площадки Мюнхенской конференции по проблемам европейской безопасности и, наконец, Североатлантического альянса.

Особенность позиции ФРГ была вновь продемонстрирована в ходе саммита «G7» 11 июня 2021 г. в Великобритании. Он был воспринят рядом западных аналитиков как важный этап на пути формирования большой антикитайской коалиции с ведущим участием стран Запада²¹, на форум в качестве специальных гостей также были приглашены Австралия, Индия, ЮАР, Япония. Поддерживая в целом курс на «сдерживание» КНР, Германия не была готова не только существенно снижать объёмы торгово-хозяйственной кооперации с ней, но и участвовать в реализации многих жёстких мер политического и военного характера.

К августу 2021 г. официальный Берлин существенно усилил свои стратегические позиции в восточной части ИТР. С одной стороны, была обеспечена широкая поддержка появлению сил бундесвера на Тихом океане, с другой, ФРГ сумела добиться гибкого формата участия в разворачивающейся «холодной войне» США и КНР. В начале августа 2021 г. фрегат «Бавария» был направлен с военно-дипломатической миссией на Дальний

19. US-Minister Austin: „Deutschland ist einer unserer strategischen Verbündeten“ // *BMVg*. 01.07.2021. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/deutschland-ist-einer-unserer-strategischen-verbundeten-5102678> (дата обращения: 6.12.2021).

20. Sechste deutsch-chinesische Regierungskonsultationen // *Bundeskanzleramt*. 28.04.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/sechste-deutsch-chinesische-regierungskonsultationen-1898704> (дата обращения: 6.12.2021).

21. Dieter H. First Summit of the Anti-China Coalition // *SWP Comment*, 2021. June. No. 36. P. 1–2.

Восток. Находясь в море 7 месяцев, корабль должен был проводить совместные морские учения, а также осуществлять дружественные визиты в порты 10 стран региона. В их список входили не только Диего-Гарсия (Великобритания), Перт (Австралия), Гуам (США), Токио, но также китайский Шанхай²².

Однако данные успехи оказались ограниченными — 15 сентября 2021 г. Австралия, Великобритания и США заявили о создании военно-политического объединения AUKUS. Его учреждение стало вызовом для интересов Франции, а опосредованно — и Германии, что де-факто было ей признано²³. Существенно усложнялась задача наращивания присутствия на Дальнем Востоке в увязке с гибким подходом к участию в «сдерживании» КНР. Преодоление этой дилеммы во многом будет зависеть от характера диалога ФРГ не только с США, но и с Австралией.

Динамика отношений ФРГ с Австралией в 2010-е — начале 2020-х гг.

В сопоставлении с Сингапуром, Японией, а также США при администрации Дж. Байдена скорость развития отношений ФРГ с Австралией была существенно меньшей, несмотря на декларируемый интерес и прилагаемые усилия со стороны официального Берлина. Это положение тем парадоксальнее потому, что уже в 2013 г. была провозглашена формула стратегического партнёра в двусторонних отношениях.

В 2014–2015 гг. германо-австралийское сотрудничество было сосредоточено в торгово-экономической сфере, по касательной затрагивая сферу безопасности и обороны²⁴. К числу причин относились: неготовность ФРГ в тот момент соучаствовать в «сдерживании» КНР, а также существенные различия в степени жёсткости восприятия РФ в условиях «холодной войны» с ней. У Австралии был значительно ниже порог условий для подключения к междержавной конфронтации и применения силы в зонах локальных вооружённых конфликтов (готовность официальной Канберры войти в состав «коалиции желающих» в ходе военно-политического кризиса вокруг Сирии в 2013 г. и применение войск в наиболее нестабильных южных провинциях Афганистана). С 2016–2017 гг. новыми сдерживающими факторами для развития диалога с Австралией стали - Брекзит и феномен Д. Трампа. Уже в конце 2010-х гг. германская сторона интенсифицировала усилия по подъёму отношений на новый уровень. Так, 24 октября 2018 г. впервые в истории Австралию посетила министр обороны Германии — совместно с руководителем финансового ведомства²⁵. Тем самым ФРГ продемонстрировала готовность добиться эффекта «переплёскивания» продвинутого торгово-хозяйственного сотрудничества на военную сферу. Предпосылкой этому выступал рост экспорта германской военной продукции в Австралию с 2016 г. — до этого он почти никогда не превышал отметки в 60 млн евро.

22. Indo-Pacific Deployment 2021 // *BMVg*. 29.07.2021.

URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021> (дата обращения: 06.12.2021).

23. Erklärungen des Auswärtigen Amtes in der Regierungspressekonferenz // *Auswärtiges Amt*. 22.09.2021. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/regierungspressekonferenz/2483888> (дата обращения: 06.12.2021).

24. Pressekonferenz der Bundeskanzlerin und des australischen Premierministers Abbot in Sydney // *Bundeskanzleramt*. 16.11.2014. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-der-bundeskanzlerin-und-des-australischen-premierministers-abbot-844540> (дата обращения: 06.12.2021).

25. Ursula von der Leyen besucht Australien // *BMVg*. 24.10.2018.

URL: <https://www.bmvg.de/de/mediathek/ursula-von-der-leyen-besucht-australien-28646> (дата обращения: 06.12.2021).

Таблица 1 / Table 1

Динамика продаж ВиВТ германского производства в Австралию
Export of German military products to Australia

Год	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Объём (в млн евро)	59,0	201,7	265,4	434,4	304,3	236,9
Число сделок	424	414	427	436	281	471
Место в топ-20 государств-импортёров	23-е	7-е	5-е	3-е	7-е	8-е

Источники: составлено автором на основе: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2017. S. 74, 86; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. S. 74, 86; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. S. 72, 84; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. S. 84, 98; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. S. 98–99, 110.

В пятилетие 2016–2020 гг. среднегодовой объём продаж вооружений и военной техники (ВиВТ) стал составлять 288,5 млн евро, а официальная Канберра уверенно входила в топ-8 государств-импортёров германской военной продукции. Основными статьями являлись поставки комплектующих для танков и бронемашин австралийского производства, грузовиков, моторов для дизельных подводных лодок, вертолётов (в небоевом варианте), а также различных боеприпасов. К началу 2020-х гг. ФРГ утвердилась в роли внешнего технического модернизатора сухопутных войск и отчасти подводного флота Австралии. Это опосредовано имело антикитайскую направленность, учитывая растущую вовлечённость Канберры в «сдерживание» КНР.

Однако даже на этом фоне не происходило подъёма политического диалога, хотя Берлин настойчиво продолжал искать возможности для этого. Одним из показателей этого стало возросшее экспертное внимание к внутривнутриполитической ситуации в Австралии (в частности, после выборов 2019 г.)²⁶. Но результат оказался достигнут лишь в первые месяцы 2021 г., чему способствовали приход к власти в США администрации Дж. Байдена, а также определённое потепление отношений с официальным Лондоном после завершения процедуры Брекзита (2020). Символичным стал приём вновь назначенного посла Австралии в Министерстве обороны Германии 1 декабря 2020 г.²⁷. Была интенсифицирована деятельность рабочей группы по Австралии при правительстве ФРГ, созданной ещё в 2013 г. А 10 июня 2021 г., за день до саммита «G7» с участием Канберры, состоялись германо-австралийские консультации по формуле «2+2» (с участием министров обороны и иностранных дел двух стран). В ходе переговоров Австралия приветствовала планируемое направление корабля ВМС ФРГ в ИТП²⁸. Как и в случае Японии, этот механизм сотрудничества представлял собой «ядро» формата межправительственных консультаций. МИД ФРГ официально подчеркнул факт перезапуска в 2021 г. формулы стратегиче-

26. Dieter H. Eine Überraschung in Australien // *SWP-Aktuell*, 2019. No. 32. S. 1–4.

27. Ministerin empfängt neuen australischen Botschafter im BMVg // *BMVg*. 01.12.2020.

URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/akk-empfaengt-australischen-botschafter-bmvg-4796768> (дата обращения: 06.12.2021).

28. Militärische Kooperation mit Australien soll ausgebaut werden // *BMVg*. 10.06.2021.

URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/militaerische-kooperation-australien-soll-ausgebaut-werden-5093070> (дата обращения: 06.12.2021).

ского партнёрства, провозглашённой сторонами ещё в 2013 г.²⁹. Тем самым, с одной стороны, признавался факт весьма ограниченных объёмов сотрудничества в сфере безопасности и обороны в середине — второй половине 2010-х гг., с другой — выражалась уверенность в переходе к продвинутому уровню диалога.

Однако учреждение AUKUS, резко усилив степень взаимосвязанности англо-саксонских стран, вновь повысило уровень неопределённости в развитии германо-австралийского диалога. Показательно, что при выполнении фрегатом «Бавария» своей военно-дипломатической миссии германская сторона подробно осветила его дружественный визит в Токио (приурочив его к 160-летию сотрудничества)³⁰, но не стала давать детального описания захода в порты Великобритании, Австралии и США.

* * *

Потенциальная заинтересованность ФРГ в стратегическом проникновении на Дальний Восток реализовалась на практике только на рубеже 2010-х — 2020-х гг. Процесс набрал достаточно высокую скорость, иллюстрацией чего стала отправка фрегата «Бавария» в ИТР и запуск формата «2+2» сразу с двумя региональными игроками (Японией и Австралией). Вместе с тем, на пути дальнейшего укрепления позиций ФРГ на Дальнем Востоке и особенно сохранения взвешенного подхода к участию в «холодной войне» США и КНР возникло существенное потенциальное препятствие — фактор AUKUS. Сдержанная и одновременно осторожная реакция ФРГ на создание объединения иллюстрирует не только характер его восприятия Германией, но и возможные пути преодоления трудностей. *Первый* вариант — нейтрализация негативного влияния AUKUS посредством формализованной координации усилий этого объединения с НАТО, учитывая, что использование последней для «сдерживания» КНР одобрено странами-участницами Альянса (на саммите в июне 2021 г.). Однако весьма вероятно, что государства-члены AUKUS согласятся на такое сотрудничество лишь в формате ad hoc. *Второй* вариант — установление особых, в том числе юридически оформленных, отношений между AUKUS и ФРГ. Этот вариант также представляется малореалистичным. Создание нового трёхстороннего объединения вслед за Брекзитом и трампизмом является разновидностью критической реакции англо-саксонских стран на частичную утрату ими ведущих позиций как «ядра» Евро-Атлантического сообщества и «коллективного» Запада в пользу континентальных европейских держав (особенно ФРГ). Наиболее вероятным является *третий* вариант: дальнейшее углубление и расширение Германией двустороннего сотрудничества с фокусными региональными партнёрами вне AUKUS (Японией, Сингапуром, а также Южной Кореей) с тем, чтобы стимулировать государства-члены данного объединения к развитию продвинутого диалога с ФРГ. Особо значимо достижение данного положительного эффекта для развития контактов с официальной Канберрой.

Литература

- Васильев В.С. AUKUS ещё себя покажет // *Военно-промышленный курьер*, 2021. № 37.
Галимзянова А.К. Китайско-германские отношения: стремление к эталону // *Проблемы Дальнего Востока*, 2019. № 6.
Цык А.В. Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: актуальные проблемы и новые возможности // *Актуальные проблемы Европы*, 2019. № 4.

-
29. Deutschland und Australien: Bilaterale Beziehungen // *Auswärtiges Amt*. 04.10.2021.
URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/australien-node/bilateral/213908>
(дата обращения: 06.12.2021).
30. Generalinspekteur würdigt 160 Jahre deutsch-japanische Zusammenarbeit // *BMVg*. 11.11.2021.
URL: <https://www.bmv.g.de/de/aktuelles/generalinspekteur-wuerdigt-deutsch-japanische-zusammenarbeit-5259744> (дата обращения: 06.12.2021).

- Цык А.В. Стратегическое партнерство КНР и ФРГ в 2004–2015 гг.: политические аспекты // *Проблемы Дальнего Востока*, 2016. № 2.
- The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defence, 2009.
- Dieter H. Eine Überraschung in Australien // *SWP-Aktuell*, 2019. No. 32.
- Dieter H. First Summit of the Anti-China Coalition // *SWP Comment*. 2021. June. No. 36.
- Godement F., Wacke G. In Richtung einer gemeinsamen europäischen China-Politik — Frankreich und Deutschland vereint. Berlin: SWP, 2020.
- Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020.
- Major C., von Oндарза N. Afghanistan, AUKUS, and Albion. 30.09.2021. URL: <https://ip-quarterly.com/en/afghanistan-aukus-and-albion> (дата обращения: 06.12.2021).
- Rudolf P. Der amerikanisch-chinesische Weltkonflikt. Berlin: SWP, 2021.
- Strategische Rivalität zwischen USA und China / B. Lippert, V. Perthes (Hg.). Berlin: SWP, 2020.

The Features of German Strategic Pervasion to the Far East in the Early 2020s

Philipp O. Trunov

Ph.D. (Political Science), Senior Research Scholar, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (address: 51/21, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117418, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7092-4864.
E-mail: ltrunov@mail.ru.

Received 15.12.2021.

Abstract:

The phenomenon of the cold war is a form of a new world political order formation. In this context the paper issues Germany's approach to the participation in the US — Chinese confrontation and the emergence of Bundeswehr's presence in Asian-Pacific region as a part of German attempts to become a world power. The author stresses the unreadiness of Germany to participate in the «containment» of the PRC in 2014–2019 and presents the reasons of this approach, including the Cold war between the Euro-Atlantic community and Russia. The article reveals a group of factors that predetermined Germany's transition to accelerated variant of military penetration into the Far East in 2020–2021. These factors are the emergency evacuation of the Bundeswehr from Afghanistan, the COVID-19 pandemic, the coming to power of the Joe Biden's administration. From February — March 2021 Germany has joined in putting pressure on China, but strictly limiting its volume and quality. The scientific paper researches the dynamics and the forms of German turn to advanced cooperation in the sphere of security and defence with Singapore and Japan at the turn of the 2010-s — 2020-s. The creation of AUKUS (2021, September 15) has become the strategic shock for Germany. This factor shows the illusory of official Berlin's hopes for a complete rejection of Trump's attitudes in US foreign policy by J. Biden. The paper pays special attention to the features and «narrow places» of German-Australian relations in military-political sphere since middle 2010-s until the beginning of 2020-s. In this regard the diplomatic mission of the first Bundeswehr's war ship in the Pacific Ocean during the second half of 2021 is presented. The article concludes about the transformation of German military presence in the Far East and German participation in the Cold war in the region.

Key words:

Germany, PRC, the USA, Singapore, Japan, Australia, AUKUS, Cold war, diplomacy, Bundeswehr.

For citation:

Trunov Ph.O. The Features of German Strategic Pervasion to the Far East in the Early 2020s // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 1. Pp. 68–80. DOI: 10.31857/S013128120018314-6.

References

- The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defence, 2009.
- Dieter H. Eine Überraschung in Australien. *SWP-Aktuell*, 2019. No. 32.
- Dieter H. First Summit of the Anti-China Coalition. *SWP Comment*, 2021. June. No. 36.
- Galimzyanova A.K. Kitajsko-germanskie otnosheniya: stremlenie k etalonu [Sino-German relations: striving for a benchmark]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2019. No. 6. (In Russ.).
- Godement F., Wacke G. In Richtung einer gemeinsamen europäischen China-Politik — Frankreich und Deutschland vereint. Berlin: SWP, 2020.

Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020.

Major C., von Ondaarza N. Afghanistan, AUKUS, and Albion. 30.09.2021. URL: <https://ip-quarterly.com/en/afghanistan-aukus-and-albion> (accessed: 06.12.2021).

Rudolf P. Der amerikanisch-chinesische Weltkonflikt. Berlin: SWP, 2021.

Strategische Rivalität zwischen USA und China / B. Lippert, V. Perthes (Hg.). Berlin: SWP, 2020.

Tsvyk A.V. Strategicheskoe partnerstvo Germanii i Kitaya na sovremennom etape: aktual'nye problemy i novye vozmozhnosti [Strategic partnership of China and Germany at the present stage: urgent problems and new opportunities]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2019. No. 4. (In Russ.).

Tsvyk A.V. Strategicheskoe partnerstvo KNR i FRG v 2004–2015 gg.: politicheskie aspekty [Strategic partnership of China and Germany in the period of 2004–2015: political aspects]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2016. No. 2. (In Russ.).

Vasil'ev V.S. AUKUS eshchyo sebya pokazhet [AUKUS will show itself]. *Voенно-promyshlennyy kur'er*, 2021. No. 37. (In Russ.).